

ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В СВЕТЕ КОНСТРУКТИВИЗМА

Р. Ю. Рахматуллин

Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия

e-mail: rafat54@mail.ru

Аннотация. Цель статьи – обоснование тезиса «историческая реальность есть нарратив». Актуальность статьи определяется местом исторического знания как важнейшего идеологического инструмента формирования национальной и гражданской идентичности. Новизна статьи заключается в попытке найти средний путь между радикальным конструктивизмом и реализмом в объяснении феномена «историческая реальность». Методология исследования – конструктивизм. Эта методология приводит к следующим результатам: 1. Историческая реальность всегда есть конструкт, имеющий автора со своими политическими, нравственными, религиозными или другими убеждениями. Исходя из этого, следует признать, что разные исследователи конструируют разные, нередко альтернативные исторические реальности. Поэтому история всегда есть множество конкурирующих историй. 2. Ссылка на исторические факты, как средство, доказывающее соответствие нарратива описываемому событию, не является достаточным аргументом. Имеются следующие причины для этого: а) всякое повествование о прошлом ограничено определенным количеством фактов. Между тем, всегда существуют неизвестные факты, которые могут существенно изменить картину исторической реальности; б) выбор фактов, из которых конструируется историческая реальность, зависит от исследователя и целей, которые он преследует; в) в исторических источниках нередко используется фальсификация фактов. 3. Всякий честный исследователь конструирует свой нарратив из реально существовавших событий и персонажей, что позволяет утверждать о его объективности и неверности методологии радикального конструктивизма. Но даже у честнейшего исследователя есть личностные особенности, которые отражаются в продукте его творчества, что дает основания утверждать о неверности реализма. Поэтому истина лежит посередине и называется она умеренный конструктивизм или конструктивный реализм.

Ключевые слова: историческая реальность, конструктивизм, реализм, фальсификация истории, исторический факт, телеологизм.

Для цитирования: Рахматуллин Р. Ю. Историческая реальность в свете конструктивизма // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2020. – № 6. – С. 144–152. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-144.

HISTORICAL REALITY IN THE LIGHT OF CONSTRUCTIVISM

R. Yu. Rakhmatullin

Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia

e-mail: rafat54@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to substantiate the thesis «historical reality as a narrative». The relevance of the article determines the place of historical knowledge as the most important ideological tool formalizing the national and civilian identity. The originality of the article lies in an attempt to find a middle ground between radical constructivism and realism whilst explaining the phenomenon of «historical reality». Research methodology - constructivism. This methodology leads to following results: 1. Historical reality is always a construct that has an author with his political, moral, religious or other beliefs. Based on this, it should be taken into consideration that other researchers establish different and even alternative historical realities. Therefore, the story will remain as a multitude of competing stories. 2. The reference to historical facts as a proof meaning the correspondence of the narrative to the described event is not a valid argument. There are the following reasons for this: a) any story originated in the past is limited to a certain number of facts. Meanwhile, there are always some unknown facts that can significantly change the picture of historical reality; b) historical reality made of fact selection depends on the researcher and the goals he pursues; c) falsification of facts is often used in historical sources. 3. Every honest researcher creates his own narrative out of real-life events and characters, which makes it possible to assert his objectivity and the incorrectness of the radical constructivism methodology. But even the most honest researcher has personality traits that can be reflected on his work, which gives grounds to claim that realism is wrong. Therefore, the truth still lies somewhere in the middle and being represented by moderate constructivism or constructive realism.

Key words: *historical reality, constructivism, realism, falsification of history, historical fact, teleologism.*

Cite as: Rakhmatullin, R.Yu. (2020) [Historical reality in the light of constructivism]. *Intellect. Innovatsii. Investitsii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 6, pp. 144–152. DOI: 10.25198/2077-7175-2020-6-144.

Введение

Предметом статьи является историческая реальность, понимаемая как *совокупность знаний* о прошлом общества и личности. История – это наука о людях во времени, утверждал Марк Блок [2, с. 19]. Статья именно об этой реальности, а не истории Солнечной системы или членистоногих. Важно заметить, что в ней понятие исторической реальности, как повествования о прошлом, сконструированного историками из реальных или вымышленных фактов, сознательно отделяется от объективно существовавших когда-то событий. Известные специалисты в области социологии знания П. Бергер и Т. Лукман в книге «Социальное конструирование реальности» пишут о необходимости различать «общество как объективную реальность» от «общества как субъективной реальности» [1, с. 80–295]. Историческое знание, будучи реконструкцией прошлого в сознании людей (субъективной реальностью), в учебниках по истории преподносится в качестве объективно существовавшей реальности, хотя представляет собой, по сути, совокупность нарративов. Проблема соответствия нарратива тому, что было на самом деле, является главным вопросом философии истории. Статья является развитием идей на эту тему, содержащихся в ряде ранее опубликованных работ автора [15, 16, 18].

Значимость предпринятого исследования заключается как в дальнейшем углублении изучения общегносеологической проблемы адекватности выражения в научном знании его объекта, так и в демонстрации роли идеологического компонента в содержании исторического знания, провоцирующего дискуссии о его объективности. Заметим также, что историческое знание с древнейших времен является важнейшим и испытанным инструментом формирования гражданской и национальной идентичности, что делает тему актуальной для всех государств и народов [4, 21].

Методологической основой статьи является конструктивистская парадигма, проецированная на социальную реальность (социальный конструктивизм). Оправдывая конструктивизм, автор отмежевывается от его радикального варианта, рассматривая историческое знание в качестве феномена, имеющего субъектно-объектную природу. В качестве материала исследования выступают работы отечественных и зарубежных историков, философов, социологов, этнологов, исследовавших особенности и проблемы исторического познания. Главной задачей исследования явилось обоснование тезиса «история есть множество нарративов» при помощи конструктивистской методологии.

Конструктивизм как методология исторического исследования: право на признание

Конструктивистская парадигма, имеющая более чем 300-летнюю историю, стала в последние два десятилетия трендом отечественной философии: в научной электронной библиотеке eLIBRARY.ru мы обнаружили около 400 публикаций на эту тему, большая часть которых опубликована за последние пять лет. Ядро этой парадигмы образует эпистемологический конструктивизм. Его определение дал В. А. Лекторский в своем выступлении на круглом столе, посвященном этой теме: «Реальность, с которым имеет дело познание <...> и в котором мы живем, – это не что иное, как конструкция самого субъекта, иногда сознательная, но чаще всего неосознаваемая» [9, с. 4]. Правда, патриарх отечественной гносеологии делает при этом оговорку, что не является сторонником этого течения, но признает его важную роль в развитии философии науки.

Истоки конструктивизма в европейской философии содержатся в работах Д. Локка, Дж. Беркли и Д. Юма. Иммануил Кант, с присущей ему тщательностью, довел эти идеи до совершенства, создав логически стройную концепцию априоризма как идейной основы конструктивизма [17]. Согласно ему, и пространство-временная характеристика объективного мира, и причинно-следственные отношения, отраженные в сознании в форме закономерностей функционирования материального бытия, представлены в субъективной реальности в виде информации о мире, структурированной априорно существующими в психике человека матрицами. Поэтому нужно отличать объективный мир от его картины, продуцируемой нашим сознанием. Каков объективный мир, включая и историю человечества, мы не знаем и никогда не узнаем, ибо обречены судить о нем по той информации, которую творит наше сознание из нее – такова гносеологическая парадигма, пронизывающая всю «Критику чистого разума» немецкого философа. К примеру, матрицы, формирующие образ чувственной реальности, характеризуются им так: «Хотя материя всех явлений дана нам только а posteriori, форма их целиком должна для них находиться готовой в душе а priori и потому может рассматриваться отдельно от всякого ощущения» [7, с. 63]. Сам Кант характеризует свою гносеологию как коперниканский переворот в философии: если Коперник изменил астрономию, поставив в центр Солнечной системы Солнце вместо Земли, то Кант изменил философию, поменяв точку отсчета с объекта на субъект познания. Американский историк науки Том Рокмор пишет, что

кантовская критика репрезентационизма, является «причиной возникновения нововременной науки. Нововременная наука вызвала к жизни идею, согласно которой мы познаем лишь то, что конструируем» [19, с. 40–41]. Мы полностью разделяем точку зрения основателя радикального конструктивизма Эрнста фон Глазерсфельда, полагавшего, что истоки конструктивизма следует искать именно в философии Иммануила Канта [23, р. 21].

В советской философии априоризм Канта подвергался жесточайшей критике, основанной на его отрицательной оценке В. И. Лениным в работе «Материализм и эмпириокритицизм». Вслед за Лениным некоторые философы называли Канта агностиком, субъективным идеалистом, солипсистом. Однако современные исследования сознания показывают, что основатель конструктивизма во многом был прав. Еще в советское время авторитетный психолог А. Н. Леонтьев отказался повторить то, что утверждал еще Локк в своем учении о «вторичных качествах»: образ объекта и сам объект не совпадают – у объекта нет цвета, запаха, вкуса и способности звучать – он амодален [12]. Поддерживает идею несоответствия мира и его отображения в сознании и известный специалист в области психосемантики, критик теории отражения В. Ф. Петренко. Опираясь на естественнонаучные факты, он пишет, что «мир наполнен красками, звуками, запахами, но все эти качества производны от органов восприятия субъекта. Физика не «знает» красного, но описывает электромагнитные волны определенной длины (частоты), которые при воздействии на сетчатку глаза человека вызывают соответствующее ощущение. Физика «не знает» ни звуков, ни запахов, а описывает соответствующие процессы как колебание воздуха или распространение частиц вещества» [14, с. 128]. Таким образом, чувственные образы являются созданными психикой человека конструктами. Однако многие философы и ученые скептически относятся к познавательным возможностям чувственного познания, призывая верить только мышлению. Еще Платон учил, что достоверность знания может быть достигнута только разумом. Имена великих рационалистов – Декарта, Лейбница, Гегеля – являются украшением не только европейской, но и мировой философии.

Вершиной классического рационализма, основывающегося на принципе тождества мышления и бытия (в марксистской трактовке – бытия и мышления), мы считаем философию Гегеля. Однако сравнительный анализ его философии с априоризмом Канта позволяет сделать вывод, что Гегель, по сути, оказался еще более последовательным конструктивистом, чем его предшественник. Хорошо

знакомый с философией Канта Гегель, совершил грандиозную трансформацию его учения, объективировав априорные кантовские схемы, превратившиеся у него во всемогущие диалектические законы, имманентно содержащиеся в объективной реальности. У Гегеля кантовский трансцендентальный субъект превращается, по выражению В. А. Лекторского, в Абсолютного Субъекта, постоянно творящего самого себя [10, с. 33]. Поэтому противопоставление учений этих великих философов, по нашему мнению, является ошибкой. Об этом, в частности, пишет Н. В. Мотрошилова в статье, представляющей собой, по сути, расширенную рецензию на монографию Т. И. Ойзермана «Кант и Гегель. Опыт сравнительного исследования». Она отстаивает тезис о взаимодополнении философий этих мыслителей, видит различие в их учениях только в том, что Кант занимался исследованием исходных структур индивидуального сознания, интересы Гегеля же лежали в области «объективировавшихся, связанных друг с другом форм духа, культуры и деятельности, направленной на их продуцирование, преобразование и использование» [13, с. 562]. Поэтому диалектическая логика Гегеля представляет собой *алгоритм конструирования реальности* как этапов инобытия («своего-другого») Абсолютной идеи.

При всей безупречной логичности конструктивизма в ней все-таки остается нерешенным вопрос о происхождении первичных структур (матриц), организующих информацию об объективном мире в ее картину. Кант эту проблему не решал. В отечественной философии не потеряла актуальность концепция Э. В. Ильенкова, доказывавшего тезис о детерминированности форм логического мышления материальной деятельностью человека, которая, в свою очередь, определяется особенностями включенных в эту деятельность объектов. Формы мысли есть результат интериоризации практики, а практика изоморфна законам материального мира – вот главная мысль Ильенкова¹. Похожую на нее идею развивают ряд психологов, объясняющих природу чувственного познания. Так, основываясь на многочисленных экспериментах, Р. Л. Грегори и Д. М. Стрэттон пришли к мнению о влиянии практических действий и глазодвигательных движений на формирование зрительных образов [3; 26]. И в этом случае мы не можем пройти мимо факта, что на знания о реальности влияет не только субъект, но и объект: ведь и работа зрительного анализатора, и практические действия человека определяются формой и другими особенностями объекта. Поэтому знание о реальности детерминировано не только субъективными, но и объективными фак-

¹ Ильенков Э. В. Идеальное // Философская энциклопедия. – В 5 т. – Москва: Советская энциклопедия, 1962. – Т. 2. – С. 219–227.

торами. Как метко заметил В. А. Лекторский, «при всей популярности конструктивизма он не может одолеть сопротивление реализма» [11, с. 20]. Свою концепцию он называет конструктивным реализмом, противопоставляя ее радикальному конструктивизму. Мы рассматриваем конструктивный реализм как вид конструктивизма, а не реализма.

На рассматриваемую проблему дополнительный свет проливают исследования сторонников социального конструкционизма, сторонники которого обогащают классический конструктивизм новыми идеями, открывающими, в том числе, перспективные толкования природы исторической реальности. На стыке реализма и конструктивизма находится, в частности, историческая социология Ричарда Лахмана, утверждающего о том, что социальная картина мира строится во многом на исторических фактах. Так, средневековые модели решения экономических и политических проблем нередко становятся, по его мнению, средствами конструирования сегодняшней социальной реальности [24, 25].

Историческая реальность как конструкт

Если рассматривать историю в качестве нарратива, то неизбежен вопрос: а как все было на самом деле? Историки и занимаются поиском ответа на этот вопрос. Результат их поиска, как известно, неутешителен: сотни противоречащих друг другу статей, разделов учебников, монографий и диссертаций об одном и том же историческом событии поневоле наводят на мысль об исторической реальности как конструкте. Как же конструируется эта реальность?

Главными компонентами всякого нарратива о прошлом людей и социальных систем являются исторические факты. Именно они приводятся в качестве определяющих аргументов в спорах о прошлом. Как говорил А. Ф. Лосев, историю можно понять в качестве ряда фактов, причинно связанных между собой. На одной из посвященных социальному познанию конференций, в котором нам удалось участвовать, один из докладчиков утверждал, что история как наука абсолютно объективна, ибо она основывается на фактах – архивных документах, археологических артефактах, рассказах очевидцев. Но ведь всякий ученый-историк основывается на них! Почему же тогда повествования об одном и том же историческом событии часто получаются различными? На наш взгляд, ответ на этот вопрос следует искать в понимании природы исторического факта. А. Л. Никифоров пишет о двух значениях термина «факт»: 1) это нечто реально существующее или существовавшее; 2) это вид эмпирического знания². Поскольку о фактах прош-

лого мы узнаем *лишь из сообщений о них*, то исторический факт, как *что-то утверждение*, является продуцированным кем-то знанием. Поэтому, как и всякое знание, он всегда содержит в себе элемент субъективности. И это его качество еще более усиливается, когда он рассматривается как часть письменного исторического источника, направленная на его оценку. У этого источника есть автор со своими убеждениями, которые и определяют содержание текста. Как пишут Г. М. Ипполитов, С. Н. Полторак и А. И. Репинецкий, «письменный источник, написанный человеком, передает принципиально иную размерность события. Такой источник является человекомерным» [6, с. 4]. Впрочем, «человекомерностью» обладают и сообщения о современных событиях: судья, выносящий приговор, утверждает, что он основывается на фактах. Но по сути, в основании приговора лежат *сообщения о фактах*, полученных от потерпевшего, свидетелей или из документов, составленных опять-таки человеком. История религий полна фальсификаций или ошибок, допущенных переводчиками и недобросовестными богословами даже в отношении Священного писания. Мы ежедневно наблюдаем по телевидению, как разные каналы и журналисты нередко преподносят в качестве фактов противоречащие друг другу сообщения об одном и том же событии, конструируя *свои* картины социальной реальности. Ответ на вопрос «почему так?» очевиден даже на уровне обыденного сознания: журналисту платят за такое толкование события (в более сильном варианте – он не хочет терять свою работу, может быть, и жизнь) или же он толкует его так в силу своих убеждений. Рассмотрим проблему конструирования исторической реальности, понимаемой нами как нарратив, основываясь на методологии науки Т. Куна.

Кун предлагает рассматривать всякую реальность в виде объективно существующих или существовавших фактов (под фактом он подразумевает вещь, свойство, отношение или процесс, то есть то, что Кант называл «Ding an sich selbst betrachtet» – «вещью самой по себе»). Всякая исследуемая реальность полна фактов (если быть точным, их количество всегда равно бесконечности). Для того, чтобы создать картину этой реальности, исследователю нужно выбрать из множества фактов наиболее значимые. Именно из них он конструирует реальность, претендующую на объективность. Но всякий выбор, как известно, зависит от исследователя (согласно Куну от его принадлежности к определенному научному сообществу со своей парадигмой исследования). Парадигма, которой вооружен исследователь, и задает алгоритм творения той реальности, которая является результатом его познания. В таком случае

² Никифоров А. Л. Факт // Новая философская энциклопедия: в 4-х т. – М.: Мысль, 2010. – Т. 4. – С. 157.

исследователи, принадлежащие к различным научным школам («сообществам», по Куну), конструируют разные картины реальности. «Поскольку они видят этот мир не иначе, как через призму своих воззрений и дел, постольку у нас может возникнуть желание сказать, что ученые имеют дело с иным миром», – пишет автор [8, с. 151]. Так создаются «возможные миры», описывающие одну и ту же реальность. Эта методология полностью применима и для характеристики исторической реальности.

К сожалению, в качестве исторического факта иногда преподносятся не существовавшие события. Так, из истории Второй мировой войны, изложенной в советских учебниках, каждый учащийся узнавал о подвиге 28 панфиловцев, удостоенных посмертно звания Героя Советского Союза за оборону Москвы. Однако в рассекреченных в 2015 году архивных документах было обнаружено и обнародовано директором Госархива РФ историком С. В. Мироненко информация о том, что такого подвига не существовало: он был придуман стараниями трех сотрудников газеты «Красная звезда» и растиражирован известными в то время писателями А. Беком, Н. Тихоновым, В. Ставским и др. Такая информация основывается на результатах расследования, проведенного военным прокурором Н. П. Афанасьевым в 1948 году после того, как стало известно, что один из посмертно награжденных (И. Е. Добробабин) уже после совершения этого «подвига» оказался в плену и сотрудничал с фашистами. Кроме него, оказались живыми еще несколько «панфиловцев», награжденных *посмертно*³. Составленная по результатам расследования справка в июне 1948 года была передана секретарю ЦК КПСС А. А. Жданову, который счел нецелесообразным сообщать об этой большой лжи широкой общественности по идеологическим причинам.

Приведенный выше пример наталкивает на мысль, что в историческом исследовании значительную роль играет телеологическая (целевая) причина, о которой писал еще Аристотель. У журналистов «Красной звезды» была цель воодушевить в трудное для страны время советский народ на боевые и трудовые подвиги во имя спасения Отчизны. При конструировании этого «подвига» использовались как реальные факты (дивизия генерала И. В. Панфилова действительно вела в декабре 1941 года ожесточенные бои под Москвой, награжденные за «подвиг» бойцы на самом деле существовали), так и вымысел об уничтожении ими ценой своей жизни 18 вражеских танков.

Целевая причина лежит также в основании появления национальных мифов как важного

конструкта этнической истории, являющейся теоретической основой этнополитики. Заметим, что национальные псевдоистории начали активно использоваться с появлением национальных государств или попытками их создания. Целью такого псевдотворчества истории является утверждение значимого места национального государства или определенной этнической группы среди других народов и государств для укрепления национальной идентичности как основы сплочения народа вокруг вождя или национального героя. Л. Т. Яблонский приводит пример подобного околонучного лингвистического исследования с целью обоснования происхождения башкир из скифов: «Археолог не в состоянии объективно оценить паралингвистические конструкции такого типа: река Урал > Яик > Даик > даи > дахи (то есть племена скифской эпохи, упомянутые у древних авторов) > башкиры. На самом деле речь в данном случае идет о бессмысленной с научной точки зрения перестановке и замене букв с сомнительной целью еще раз доказать древность башкир на Урале, а заодно и их историческую связь с героическими и могущественными скифами» (22, с. 92).

Конструирование исторической картины, на наш взгляд, строится наподобие творения художественной реальности. Писатель, приступая к написанию книги, пытается при помощи положительных и отрицательных художественных персонажей довести до читателя определенную мировоззренческую идею, которая и определяет его выбор героев и их поступков. Поэтому *знание о финале* направляет процесс творения художественного произведения. Об этом, в частности, пишет и Роман Ингарден, считающий, что «последняя», «кульминационная» фраза текста определяет его предшествующее содержание [5]. Это напоминает строительство дома, когда строитель, заранее зная проект, подбирает для его реализации строительный материал, в том числе и имитирующий камень или дерево. Заданность финала работы определяет все ее содержание. Применительно к конструированию исторической реальности это означает, что выбор фактов (точнее, сообщений о фактах), их структурирование, фальсификация и толкование зависят от сформированных *до исследования* идеологических и нравственных установок историка.

Результаты исследования

Понятие исторической реальности имеет два толкования: 1) как то, что было на самом деле в прошлом людей и социальных систем; 2) как совокупность знаний об этом. Поскольку знать, как

³ Хамраев В. Разоблачение фальсификатора и изготовленной им фальшивки неизбежно. Директор Государственного архива РФ Сергей Мироненко о пользе чтения исторических документов // Коммерсантъ. – 2015. – 20 апреля.

все было на самом деле, можно только из исторических источников, как носителей знания, то приходится соглашаться со вторым толкованием феномена «историческая реальность». В этом случае всякая история должна быть воспринята в качестве нарратива, то есть *повествования* о прошлом. Восприятие нарратива как объективно существовавшего события основывается на свойстве предметности (интенциональности) сознания: образ объекта, существующий в психике человека, воспринимается им в качестве самого объекта. Читая исторический роман или учебник истории, мы как бы помещаем себя в описываемые автором события, что создает иллюзию объективности.

Из-за того, что по каждому историческому событию существует множество нарративов, то возникает вопрос об их истинности. Обоснование соответствия того или иного нарратива исследуемому историческому событию, как правило, строится наличием в его содержании реально существовавших фактов. Однако ссылка на них оказывается недостаточной для утверждения тезиса о соответствии нарратива его объекту. Существуют несколько причин этому: 1) реально существовавших фактов, относящихся к определенному периоду истории, очень много. Часть из них скрыта от нас, мы не знаем об их существовании. Поэтому в соответствии с принципом фаллибилизма, адекватность исторического знания реальному событию всегда сомнительна; 2) наличие большого количества разнообразных фактов, относящихся к определенному историческому периоду вызывает необходимость выбора существенных из них. Но то, что существенно, а что не существенно, определяется историком. К примеру, если автором нарратива является историк-мусульманин, он обратит внимание на наличие или отсутствие в описываемом средневековом городе мечетей, а в повествовании христианина будет содержаться информация о христианских храмах. Внимание человека избирательно: мы похожи на телезрителя с пультом от телевизора, выбирающего из сотен каналов те, которые ему интересны. Поэтому определенный исторический период может быть представлен в виде разных исторических реальностей («возможных миров»), сконструированных из различных фактов, относящихся к этому периоду; 3) даже один и тот же исторический факт может быть истолкован разными нарраторами по-своему. Так, Куликовская битва, сыгравшая по мнению многих историков ключевую роль в освобождении Руси от золотоордынского владычества, известным татарским историком Рафаэлем Хакимовым истолковывается как незначительное и даже сомнительное событие в истории русско-татарских отношений. При этом он ссылается на исторические источники [20]; 4) компонентами историче-

ской реальности нередко являются не существовавшие факты. Их применение связано с желанием исследователя в конструировании такой картины, которая его устраивает либо по идеологическим, либо по другим причинам.

Как и в художественной литературе, в повествованиях о прошлом содержание устного рассказа или текста определяется целевой причиной. Цель задает направление исследования, его предмет, методологию и методы, средства, выбор источников, селекцию исторических фактов. В исследованиях, связанных с обществом, цель может быть задана и извне, например, в виде гранта. В этом случае предмет исследования, его временные и пространственные границы задаются грантодателем.

Заключение

Вопрос об исторической реальности является проявлением общегносеологической проблемы, которую И. Кант выразил в виде вопроса «Что я могу знать?» [7, с. 588]. Известно, что великий философ ответил на него созданием новой гносеологии, основывающейся на принципе субъективного начала в познании. Однако считать его солипсистом нет основания: он признавал существование объективной реальности («вещей самих по себе»), информация о которой, попадая в сознание, структурируется априорно существующими формами в определенную картину, которую мы и принимаем за объективно существующий мир. Поэтому мы не считаем Канта радикальным конструктивистом. Плодотворным для научного познания является умеренный конструктивизм (конструктивный реализм, по выражению В. А. Лекторского), признающий важную роль в познании самого его объекта. Знание, как конструкт, есть продукт и субъективного (априорных психических матриц, парадигм, целей и интересов субъекта), так и объективного начала (особенностей объекта познания). Поэтому историческая реальность, сконструированная одним историком, может заметно отличаться от продукта творчества другого историка. Но содержание обоих нарративов может содержать тождественные знания об одних и тех же исторических событиях, происходивших в одно и то же время, с одними и теми же персонажами. Историческая реальность, как нарратив, есть единство объективного и субъективного, абсолютного и относительного в познании. Поэтому история была, есть и будет множеством историй. Единственную абсолютно объективную историю может создать лишь всезнающий, всемогущий, лишенный политических, экономических, территориальных и национальных интересов субъект, именуемый Богом. Но как говорит известный актер и ведущий документальные передачи «Следствие вели» Леонид Каневский, «это уже совсем другая история».

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.
2. Блок М. Апология истории или ремесло историка. – М.: Наука, 1973. – 233 с.
3. Грегори Р. Л. Глаз и мозг. Психология зрительного восприятия. – М.: Прогресс, 1970. – 279 с.
4. Ивонина Я. А. Историческое знание как фактор формирования и сохранения культуры этноса // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). – 2020. – № 2 (24). – С. 23–29.
5. Ингарден Р. Очерки по философии литературы. – Благовещенск: Благовещенский гуманитарный колледж, 1999. – 184 с.
6. Ипполитов Г. М., Полторак С. Н., Репинецкий А. И. Исторический факт и историческое событие: аналитическое «путешествие» в лабиринте мнений, оценок, суждений // Клио. – 2013. – № 11 (83). – С. 3–14.
7. Кант И. Сочинения: в 8 т. – М.: Чоро, 1994. – Т. 3. – 741 с.
8. Кун Т. Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
9. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке / Лекторский В. А. и другие // Вопросы философии. – 2008. – № 3. – С. 3–37.
10. Лекторский А. В. Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии? // Конструктивизм в теории познания. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 31–42.
11. Лекторский В. А. Конструктивизм vs реализм // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. 43. – № 1. – С. 19–26.
12. Леонтьев А. Н. Психология образа // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 1979. – № 2. – С. 3–14.
13. Мотрошилова Н. В. Кант или Гегель? И Кант, и Гегель! // Вестник Российской академии наук. – 2009. – Т. 79. – № 6. – С. 560–565.
14. Петренко В. Ф. Вернем психологии сознание // Вестник МГУ. Серия «Психология». – 2010. – № 3. – С. 121–141.
15. Рахматуллин Р. Ю. Проблема объективности исторического знания или как возможен единый учебник истории // Eurasian Social Science Journal. – 2014. – № 8–3 (47). – С. 69–73.
16. Рахматуллин Р. Ю. Историческое знание в контексте философии науки // Вестник ВЭГУ. – 2015. – № 3 (77). – С. 129–137.
17. Рахматуллин Р. Ю., Семенова Э. Р. Генезис эпистемологического конструктивизма в европейской философии // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 4. – Ч. 1. – С. 151–153.
18. Рахматуллин Р. Ю., Зиязетдинов Р. М., Назаров Т. З. Исторический факт в свете философии науки // Манускрипт. – 2019. – Т. 12. – № 11. – С. 168–171.
19. Рокмор Т. Кант о репрезентационизме и конструктивизме // Эпистемология и философия науки. – 2005. – Т. 3. – № 1. – С. 35–46.
20. Хакимов Рафаэль. На Куликовом поле никто никогда не воевал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/181536-rafael-hakimov-na-kulikovom-pole-nikto-ne-voeval> (дата обращения: 30.08.2020).
21. Цифанова И. В. Идентификационные функции и социальные дисфункции исторического знания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 12–2 (86). – С. 191–195.
22. Яблонский Л. Т. Теория этногенеза и ее фальсификация в современной России // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. – М.: ИА РАН, 2011. – С. 85–94.
23. Glasersfeld E. von. Radical Constructivism: A Way of Knowing and Learning. – L.: Falmer Press, 1995. – 213 p.
24. Lachmann, R. What Is Historical Sociology? – Cambridge: Polity Press, 2013. – 160 p.
25. Lachmann, R. Hegemons, Empires, and their Elites // Sociologia, Problemas e Praticas. – 2014. – No. 75. – P. 60–69.
26. Stratton G. M. Some preliminary experiments in vision without inversion of the retinal image // Psychological Review. – 1896. – Vol. 3. – P. 611–617.

References

1. Berger, P., Lukman, T. (1995) *Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya* [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: «Medium», 323 p. (In Russ.).

2. Blok, M. (1973) *Apologiya istorii ili remeslo istorika* [Apology for history or the craft of the historian]. Moscow: The science, 233 p. (In Russ.).
3. Gregori, R. L. (1970) *Glaz i mozg. Psihologiya zritel'nogo vospriyatiya* [Eye and brain. Psychology of visual perception]. Moscow: Progress, 279 p. (In Russ.).
4. Ivonina, Ya.A. (2020) [Historical knowledge as a factor in the formation and preservation of the culture of an ethnic group]. *Uchenye zapiski (Altajskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv)*. [Scientific notes (Altai State Academy of Culture and Arts)]. Vol. 2 (24), pp. 23–29. (In Russ.).
5. Ingarden, R. (1999) *Ocherki po filosofii literatury* [Essays on the philosophy of literature]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk humanitarian college, 184 p. (In Russ.).
6. Ippolitov, G. M., Poltorak, S. N., Repineckij, A. I. (2013) [Historical fact and historical event: analytical “journey” in the labyrinth of opinions, assessments, judgments]. *Klio*. [Klio]. Vol. 11 (83), pp. 3–14. (In Russ.).
7. Kant, I. (1994) *Sochineniya: v 8 t.* [Works: in 4 vol.]. Vol. 3. Moscow: Choro, 741 p. (In Russ.).
8. Kun, T. (1977) *Struktura nauchnyh revolyucij* [The structure of scientific revolutions]. Moscow: Progress, 300 p. (In Russ.).
9. Lektorsky, V. A., Petrenko, V. F., Pruzhinin, B. I., Knyazeva, E. N., Rozov, M. A., Smirnova, N. M., Shvyrev, V. S., Antonovsky, A. Yu., Ulanovskiy, A. M., Farman, I. P., Chertkova, E. L. (2008) [Constructivism in epistemology and human sciences (materials of the “round table”)]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy]. Vol. 3, pp. 3–37. (In Russ.).
10. Lektorsky, A. V. [Is it possible to combine constructivism and realism in epistemology?]. *Konstruktivizm v teorii poznaniya* [Constructivism in the theory of knowledge]. Moscow: IFRAN, pp. 31–42. (In Russ.).
11. Lektorsky, V. A. (2015) [Constructivism vs Realism] *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and Philosophy of Science]. Vol. 43. No. 1, pp. 19–26. (In Russ.).
12. Leont'ev, A. N. (1979) [Psychology of the image]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Moscow State University Bulletin]. Series. 14. Vol. 2, pp. 3–14. (In Russ.).
13. Motroshilova, N. V. (2009) [Kant or Hegel? Both Kant and Hegel!] *Vestnik Rossijskoj akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. Vol. 79. No. 6, pp. 560–565. (In Russ.).
14. Petrenko, V. F. (2010) [Let's return consciousness to psychology] *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Moscow State University]. Series “Psychology”. Vol. 3, pp. 121–141. (In Russ.).
15. Rakhmatullin, R. Yu. (2014) [The problem of objectivity of historical knowledge or how a single history textbook is possible] *European Social Science Journal* [European Social Science Journal]. Vol. 8–3 (47), pp. 69–73. (In Russ.).
16. Rakhmatullin, R. Yu. (2015) [Historical knowledge in the context of philosophy of science]. *Vestnik VEGU* [Bulletin of VEGU]. Vol. 3 (77), pp. 129–137. (In Russ.).
17. Rakhmatullin, R. Yu., Semenova, E. R. (2016) [The genesis of epistemological constructivism in European philosophy]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i practice* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. Vol. 4. Part. 1, pp. 151–153. (In Russ.).
18. Rakhmatullin, R. Yu., Ziyazetdinov, R. M., Nazarov, T. Z. (2019) [Historical fact in the light of the philosophy of science]. *Manuskript* [Manuscript]. Vol. 12. No. 11, pp. 168–171. (In Russ.).
19. Rockmore, T. (2005) [Kant on representationism and constructivism] *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology and philosophy of science]. Vol. 3. No. 1, pp. 35–46. (In Russ.).
20. Khakimov, Rafael (2020) *Na Kulikovom pole nikto nikогда ne voeval* [No one has ever fought on the Kulikovo field]. Available at: <https://realnoevremya.ru/articles/181536-rafael-hakimov-na-kulikovom-pole-nikto-ne-voeval> (accessed 30.08.2020). (In Russ.).
21. Tsifanova, I. V. (2017) [Identification functions and social dysfunctions of historical knowledge]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i practice* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. Vol. 12–2 (86), pp. 191–195. (In Russ.).
22. Yablonsky, L. T. (2011) [The theory of ethnogenesis and its falsification in modern Russia]. *Falsifikaciya istoricheskikh istochnikov i konstruirovaniye etnokraticeskikh mifov* [Falsification of historical sources and construction of ethnocratic myths]. Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, pp. 85–94. (In Russ.).
23. Glasersfeld, E. von. (1995) *Radical Constructivism: A Way of Knowing and Learning*. London.: Falmer Press, 213 p. (In Eng.).
24. Lachmann, R. (2013) *What Is Historical Sociology?* Cambridge: Polity Press, 160 p. (In Eng.).
25. Lachmann, R. (2014). *Hegemons, Empires, and their Elites. Sociology, Problems and Practices*. Vol. 75, pp. 60–69. (In Eng.).

26. Stratton, G. M. (1876) Some preliminary experiments in vision without inversion of the retinal image. *Psychological Review*. Vol. 3, pp. 611–617. (In Eng.).

Информация об авторе:

Рафаэль Юсупович Рахматуллин, доктор философских наук, профессор кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин, Башкирский государственный аграрный университет, Уфа, Россия
e-mail: rafat54@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 08.10.2020; принята в печать: 23.11.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Rafael Yusupovich Rakhmatullin, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Socio-Economic and Humanitarian Disciplines, Bashkir State Agrarian University, Ufa, Russia
e-mail: rafat54@mail.ru

The paper was submitted: 08.10.2020.

Accepted for publication: 23.11.2020.

The author has read and approved the final manuscript.